

Федотова Ирина. Когда мы познакомились...

Когда мы познакомились, Стас был начинающим адвокатом, с виду совсем мальчишкой, и практиковался на бесплатной «уголовке», которую ему в изобилии поставляла его адвокатская контора. А мечтал при этом быть защитником левых активистов. «Никто, кроме меня, их не сможет защищать – ведь только я знаю специфику этой “тусовки”, – говорил он. – Знаю – изнутри». Я и не подозревала тогда, насколько это было для него серьезно.

Как-то мы сидели со Стасом на кухне и обсуждали, что у каждого человека есть какой-то свой определенный, характерный возраст, который сопровождает его всю жизнь. «И сколько же мне лет?», – попыталась пошутить я. «Двадцать, тебе всегда – 20», – уверенно сказал Стас. «Ну, а тебе?» – переспросила я. «А мне – 60, по ощущению» – очень серьезно ответил он, и глаза его были печальны. А мне стало не по себе, и я не нашлась, что ответить.

Дома он всегда носил бандану – пригладить волосы, которые вились волной и торчали в разные стороны. Я тогда, в 1997-м, работала в Останкино, репортером на НТВ, и часто заходила к нему в гости на Аргуновскую. Он так любил гостей, особенно когда родители на все лето уезжали в деревню на дачу, кажется, под Серпухов. Тогда его квартира становилась таким «тусовочным» местом. А я была заметно старше Стаса и очень его интересовала – и как журналистка, и просто как женщина.

Одиночка, в сущности... Он, отчасти осознавая это и действуя вопреки, выстраивал себе шумный имидж весельчака и балагура, любящего выпить и т.д. А в политике... Таких политических взглядов не было больше ни у кого. Верховенство права и притягательность анархической вольницы. Он пытался работать в законодательном поле с людьми, которые не признавали законов концептуально. С приверженцами акций прямого действия.

С его общительностью и интересом к людям – самого разного социального положения и рода занятий – ему была прямая дорога в журналистику. Я до сих пор не понимаю, почему он не стал журналистом. Мама, папа и оба его старших брата – все оттуда. А с каким пиететом он отзывался о брате Мише, когда тот ездил по горячим точкам, работая в команде Артема Боровика, с каким нескрываемым восхищением! И меня любил время от времени спрашивать, как бы в шутку: «Ну как, ты уже стала главным редактором?» Я немного обижалась, он ведь говорил со значением – «держи, мол, планку!» Поэтому о своих неудачах и даже провалах я ему не говорила. А ведь люди часто дружат, жалуясь друг другу. Я не жаловалась.

Как мы с ним познакомились, я не помню точно. Скорее всего, это произошло при большом стечении народа – либо у него на Аргуновской, либо у меня – на очередном «Муравинском четверге». Где-то с начала 1997 года наша квартира приняла эстафету известных в анархической среде «муравинских четвергов», где регулярно собирались люди «левого мировоззрения». Все они были немного разные, но это-то и было интересно. «Четверги» происходили довольно регулярно – примерно дважды в месяц. И наверное, в какой-то момент там появился Стас. И потом он появлялся на них достаточно часто, но не каждый раз.

Примерно тогда же, в 97-м произошла вся эта история с Реввоенсоветом, взрывом плиты на кладбище и памятника Николаю II в селе Тайнинском. Стас стал адвокатом обвиняемого Андрея Соколова, состоявшего в РКСМ, который возглавлял Павел Былевский. Я сделала на НТВ репортаж об этом деле – первом деле, где власти попытались выдать за «терроризм» в общем-то вандализм. Снимала прессконференцию, которую он проводил, брала очень смешное интервью у Былевского.

Но я до сих пор удивляюсь, как это все на НТВ удалось показать, в новостях. Я ведь работала тогда на экологической программе, где у меня, кстати, выходили опусы о «Хранителях радуги». Репортажи про их лагерь протеста в Волгодонске я делала из каких-то почти любительских съемок, по горячим следам. Помню, как Петя мне ночью привозил в Останкино кассету, и на следующий день выходил материал. И еще помню, как счастлив был Стас, когда впервые увидел себя на телеэкране! Потом-то он привык...

Один на один, вне шумной компании он был очень заботлив и внимателен, хорошо чувствовал настроение другого человека. С ним бывало так классно брести куда-нибудь – куда глаза глядят или же просто дома сидеть, ужинать, смеяться...

Он, кстати, довольно хорошо готовил. Изобретательно, и с применением всяких специй. Говорил мне всегда – «кушай, кушай, поправляйся» – так трогательно и так заботливо... Я слушала его, как тот самый «Васька», и поглощала с большим удовольствием приготовленную им стряпню (меня он, как гостью, к плите не подпускал и хлопотал по хозяйству сам). И так было всегда, когда я заходила к нему, голодная, после работы в Останкино.

Мы бродили по Москве. По каким-то проходным дворам – нам было интересно отыскать сквозные проходы, причем ночью, в темноте. И обнаруживали, что масса дворов уже покрыта асфальтом, все скверики куда-то делись, и на нас смотрели глазки видеокамер. Иногда, пройдя насквозь несколько дворов, мы как бы случайно оказывались на какой-то вроде бы знакомой улице где-то в центре города. И некоторое время даже не очень-то понимали, где именно мы находимся.

Бродили мы со Стасом и по Минску, когда отправились туда как-то на пару-тройку дней. Мы обследовали магазины, покупали сыр и пиво, пили его прямо на ходу, шествуя по широким тротуарам, восхищаясь просторными проспектами почти без машин. Какой же Минск тогда был чистый! И как не похож на злечную, грязную Москву. Он нам обоим тогда казался раем...

И там он меня поразило знанием белорусского языка. У него тогда была идея встретиться с представителями оппозиции, а она там была разного свойства, в том числе вполне националистического. И вот, на их съезде какой-то парень начинает говорить со Стасом не на «проселке», а на чистом белорусском. И меня тогда потрясло, что Стас все понял, и, кажется, на белорусском ему и отвечал. Лучше он язык выучил потом, но и тогда он его знал довольно прилично. Он ведь не впервые был в Минске, интересовался, читал. Из этой поездки я привезла уникальную книжку – «Хайку белорусских поэтов», естественно, на белорусском языке.

Еще мы в конце 90-х на мой день рождения 31 октября всей компанией выезжали на Хэллоуин за город. Несколько раз. И без Стаса тут просто не обходилось. Я помню, как на первом таком собрании у Армена на даче мы в лесу разжигали костер, а была оттепель, снег таял, и сверху капало с деревьев. Я тогда сама разжигала костер и помню, даже свечки в него в какой-то момент поставила, чтобы как-то подсушить. А Стас, как сумасшедший, рубил эти деревья. Потому что если надо было что-то рубить, тащить, валить, то там всегда был он. С потрясающей энергией он вырубал сухие щепки из середины стволов, и передавал их мне. В костер тогда пошли не только щепки, но и голубые сторублевые бумажки – докризисные 100-рублевки, нашедшиеся у кого-то в карманах. И не прошло и полутора часов, как наш костер все-таки разгорелся.

Были еще поездки на Ивана Купалу, в которых Стас почти всегда участвовал. Там, как известно, венки плетут, и потом их на всех надевают – и на женщин, и на мужчин. Я любила плести разные экзотические венки и вот сплела один венок, который почти целиком состоял из дубовых веток – ветвистых, как оленье рога. И я отдала его Стасу. И вот – картина: Стас в этом венке в свете костра, и рога у него ветвятся дубовыми листочками. Кстати, Стас очень много чего знал про языческие праздники, и в какой-то момент все собирались у костра его послушать. В Хэллоуин он мог бесконечно рассказывать о традиции кельтского праздника Сомайна, эстафету которого позже перехватил Хэллоуин. И про аналогичные праздники славянских народов – в Белоруссии, например, есть Дзяды, который тоже празднуется с 31 октября на 1 ноября. И на Ивана Купалу он, конечно, рассказывал нам всякое-разное из языческой мифологии.

Эрудиция, особенно в области истории, была у него феноменальной. Он ведь закончил школу с историческим уклоном. Потом, правда, поступил в Юридическую академию, но увлеченность историей осталась, и голова его была просто забита разными вещами. Поэтому ему ничего не стоило, например, на «Муравинских четвергах», когда иногда возникал вопрос «а кто будет делать доклад», взять и практически экспромтом что-нибудь рассказать. Почему-то я запомнила его доклад про Пол Пота – настолько он был яркий.

Потом Стас на некоторое время пропал из моего поля зрения. У меня тогда происходила кардинальная смена жанра – из ТВ-журналистики я ушла в один экономический журнал, а до этого был тяжелый период послекризисной безработицы и прочих личных неурядиц. У Стаса же в это время продолжался роман на две страны с его будущей женой Галинкой, которая жила в Минске. И расширялась адвокатская практика, в которую он ушел с головой.

Но вот как-то – кажется, это было лето 2002 года – мы всей компанией поехали за город, под Звенигород. Там были Рома, Майка, Петя, Стас с Галинкой и я, шестеро... Стас тогда был в ударе и почти все время очень громко кричал, балагурил, хотя остальная компания была не такой уж шумной. Я тогда впервые увидела его жену Галинку. Они очень подходили друг другу, и она, кажется, весь этот шум воспринимала спокойно. Не исключено, что своими буйствами он как-то компенсировал мерзкие ощущения от частых посещений следственных изоляторов, ментовок и пр. Он был весьма тонкой и чувствительной натурой, и в каком-то смысле даже ранимой...

А еще мы могли подолгу болтать по телефону – даже когда долго не виделись. Нет, не «болтать» – все, о чем мы говорили, нам тогда казалось важным. И в разговорах с ним был такой «эффект присутствия» – он умел его как-то непринужденно создать... Настроение после таких часовых телефонных эскапад повышалось у обоих, и уже потом мы спохватывались – что, мол, «надо бы при встрече». И выяснялось, что, вообще говоря, встречаться некогда – ни ему, ни мне. Ну, а начиная с 2003-го он стал регулярно ездить в Белоруссию – почти каждые выходные, потому что Галинка стала жить там после рождения первого ребенка. И тогда стало некогда совсем...

О том, что мы так редко стали общаться – а ведь были совершенно «своими» друг для друга, – я сейчас жалею, но – поздно. А по-другому получиться, наверное, не могло. Он был человеком дела, и это дело было приоритетом. Деньги надо было, опять же, зарабатывать и т.д. Он крутился... И не очень успевал вести все дела, за которые брался. Я даже боялась его отвлекать лишними звонками или предложениями встретиться. Только – по делу. Или же – случайная встреча где-нибудь на форуме или конференции. Как, например, на Прямухинских чтениях летом 2007-го, где он несколько лет не появлялся, и вдруг приехал. Там я его видела в последний раз.

А за несколько месяцев до этих чтений мы вдруг договорились о встрече – просто так «поболтать». И встретились в Филипповской булочной, т.е. в «Кофе-Бине» на Тверской. Я как раз заканчивала тогда работу в «Известиях», а он мне рассказывал, что – вот, недавно создал Институт верховенства права, и уже есть сайт, но еще нет офиса. Рассказывал и про дела, которые вел, в том числе связанные с антифашистами. Мы там сидели очень долго, наверное, часа три, и это было удивительно, потому что Стас настолько был всегда в работе и в разъездах... И как хорошо, что мы тогда успели с ним о многом поговорить.

Стас был замечательным человеком и хорошим другом. Таким я его воспринимала. Конечно же, я знала про его громкие дела. Знала и про то, как его отвели от защиты в деле НРА, вызвав на допрос в ФСБ. После этого он сказал, что за подобные вещи браться не будет. Видимо, с ним поговорили серьезно. Остался Северный Кавказ. Там ему работать было можно – пока. Опасно, конечно же, но... мне всегда казалось, что он на самом деле не такой уж «крутой и бесстрашный», что он, в общем-то, довольно разумный и осторожный человек. Он понимал, что опасно, и пытался понять, насколько опасно, и, возможно, оценивал меру риска и т.д. Он не собирался умирать.

После того разговора в ФСБ он сразу же понял, что продолжать защищать обвиняемых в терроризме для него не просто рискованно – бессмысленно... И отступил. Поэтому я до сих

пор не понимаю и думаю, пытаюсь понять – чего же он не учел? Что же все-таки произошло, откуда пришла беда? Или же – злой рок?

Моя дочь, сейчас уже взрослая, знала Стаса с 11 лет, но политикой она не интересуется и новости смотрит нерегулярно. Когда она услышала от меня, что его застрелили... Она его очень любила – по-детски, конечно. Он тогда часто бывал у нас дома, и его нельзя было не любить. Да, Стас был именно тем человеком, про которого трудно, почти невозможно сказать– «убили»... Так вот, узнав об этом, она воскликнула: «Дьявол! Если так, то сваливать надо отсюда, и чем скорее, тем лучше». Это, по-моему, – приговор стране. Никогда до этого она не говорила об отъезде, ведь ее дом – здесь.

Но если здесь убивают лучших...

Не такой ли реакции, и прежде всего от интеллигенции (в старом, но еще не окончательно забытом смысле слова), ожидали его убийцы-провокаторы? Настоящие организаторы государственного террора, которые никогда не предстанут перед судом. Судить будут «пешек».

Рана, которую причинила мне гибель Стаса, не заживет никогда.

Версия #1

Зверобой создал 15 апреля 2025 23:13:10

Зверобой обновил 15 апреля 2025 23:16:59